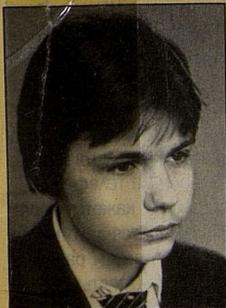

МК Буревестник 2000 — 14 мая с 45

Владимир ЛЕВКИН:
“Директор школы
приходил за нами
в кинотеатр”

В годы тинейджерства я был разным. В школе — приличным пионером с аккуратно зачесанным чубчиком и курносый носом, активно занимался общественной работой: был председателем районного пионерского штаба, делегатом Восьмого всесоюзного слета пионеров, и, кстати, на семидесятилетие пионерской организации принимал на Красной площади наградное знамя. А вечером мы с друзьями собирались, чтобы поиграть на гитарах.

У нас была группа “Ртутное озеро”, участники которой (мы то есть), как ни странно, познакомились друг с другом в районном пионерском штабе и летнем трудовом лагере. Вот так, собрались примерные активисты и стали играть хард-рок, рок-н-ролл... На самом деле мы все играли, даже танцевальную музыку, даже песни советских композиторов. С этим было сложнее, но, скажем, у Юрия Антонова было несколько песен, которые мы исполняли с удовольствием: “Двадцать лет спустя”, еще одна — на военную тему. Мы сделали на нее свою аранжировку, чтобы звучала потяжелее.

Для нас вся фишка почему-то была прежде всего не в том, что играть, а в том, как — нота в ноту, чтобы вообще не отличалось от того, что в записи. И у нас, кстати, неплохо получалось. Из пяти участников нашей группы у четырех был абсолютный слух.

Самым большим достижением “Ртутного озера” можно считать участие в конкурсе политической песни Черемушкинского района, где мы исполнили хард-роковую композицию “Битва”. Там было несколько спорных фраз, которые я проорал просто благим матом, причем в этот момент все отчаянно играло, жужжало, барабанщик выпрыгивал из-за барабанов и бился головой о тарелку. Для конкурса политической песни это было очень необычно. Нам дали допеть до конца, и зрители даже хорошо принимали, но к конкурсу такую группу допустить не могли и не допустили, сделав вид, что нас как бы и вовсе не было.

Весь мой внешний вид говорил о принадлежности к музыкальной, несколько неформальной тусовке. Узкие джинсы, ботинки — коричневые, с рыжими заплатками и безумными каблуками, сантиметров тринадцать, наверное. Здоровые такие, почти как те, что сейчас носят, они смешно и несколько необычно смотрелись на моих худющих ножульках.

Классе в десятом, кажется, мы с приятелем первый раз радикально изменили свои прически: он подстригся как Дэвид Боуи — коротко, с выбритыми висками, а я — впервые закрутил себе волосы, как у Анджелы Дэвис. За это меня чуть из комсомола не выгнали, заставили тут же пойти и вытянуть волосы обратно. Но по большому счету это не помогло. Мы по крупицам выуживали что-то о молодежных течениях, моде, прическах, зарубежных командах из польских журналов. Покупали их в магазине на Тверской “Дружба” — так он, кажется, назывался. И это была единственная возможность, не считая “Голоса Америки”, хоть как-то приобщиться к мировой жизни.

Сейчас все это, наверное, трудно себе представить — у всех подростков видеомагнитофоны, компьютеры... Новые фильмы смотрят дома. А мы ходили в кино. Особенно любили сматываться с уроков на первый сеанс. Был даже случай: директор школы (а школа, где я учился девятый-десятый класс, была образцовой) пришла в кинотеатр и объявила из кинорубки: “Старшеклассники 121-й школы, марш на уроки!” Классы на самом деле были пустые.

Когда пошло увлечение скейтами и у нас во дворе появился первый, на нем по очереди катались все 18 подъездов. Синяки, ссадины и прочие травмы были постоянно. Но самую большую травму получила моя мама. Мне купили джинсы “Райфл” за сто рублей (это при том, что женские югославские сапоги стоили 130). Я, конечно, вышел на улицу покрасоваться, залез на скейт, грохнулся, да так, что разорвал обе коленки. Обе! Все — джинсы восстановлению не подлежали. Но мама все же ухитрилась: сделала на коленках заплатки в виде обманых карманов.